

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО И СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

СПОРНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ О ВЫБОРАХ

Выдрин И.В.

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права Уральского института управления – филиала, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Россия), 620990, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 марта, д. 66, к. 425, igor.vydrin@uapa.ru

УДК 342.8 (470)
ББК 67.400.8 (2Рос)

Цель: Рассмотрение отдельных нормативных конструкций российского избирательного права, получивших неоднозначную оценку в процессе правоприменения и ставших в силу этого обстоятельства предметом конституционного надзора.

Методы: В ходе исследования применяются формально-юридический, формально-логический и социологический методы научного познания. В процессе изучения прежних законодательных конструкций о выборах используется метод сравнительно-правового анализа.

Результаты: Рассмотрены позитивные и негативные стороны конструкций «муниципального фильтра» на выборах глав субъектов РФ, досрочного голосования и ограничений пассивного избирательного права лиц, осужденных к лишению свободы. Выявлены достоинства и недостатки названных выборных институтов.

Научная новизна: Дана авторская оценка новациям избирательного законодательства в части досрочного голосования, поддержки кандидатов на выборах руководителей регионов, иных нормативных конструкций, а также правовых позиций Конституционного Суда РФ, касающихся спорных и проблемных выборных институтов.

Ключевые слова: законодательство, выборы, правоприменение, избирательное право.

CONTRAVERSIAL STRUCTURES IN THE RUSSIAN LEGISLATION ON ELECTIONS

Vydrin I.V.

Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Constitutional and International Law Department of the Ural Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia), r. 425, 66, 8 Marta str., Ekaterinburg, Russia, 620990, igor.vydrin@uapa.ru

Purpose: Consideration of certain regulatory structures of the Russian electoral law controversially assessed in the course of law enforcement and through that circumstance becoming an object of constitutional supervision.

Methods: In the course of the research the legalistic, formal-logical and sociological methods of scientific knowledge are applied. The method of comparative legal analysis is used for examining the prior legislative structures on elections.

Results: The author considers positive and negative sides of the “municipal filter” structures in the election of heads of the RF subjects, the early voting and restrictions of the passive electoral rights of individuals sentenced to imprisonment. Also, advantages and disadvantages of these elected institutions are identified.

Scientific novelty: The author's assessment is provided of the innovations in electoral legislation in the part of the early voting, supporting candidates in elections of regional leaders, other regulatory structures and legal positions of the RF Constitutional Court regarding the controversial and problematic electoral institutions.

Key words: legislation, elections, law enforcement, electoral law.

За последние два с половиной года в российском избирательном законодательстве произошли качественные изменения, которые нельзя назвать новаторскими, хотя бы в силу того, что прежде они получали нормативное выражение. Однако недавнее восстановление «в правах» отдельных избирательных конструкций определенно возвращает нас к выборной демократии начала 2000-х гг.

В первую очередь речь идет о возврате к практике прямых выборов руководителей субъектов Российской Федерации – значимое событие в политической жизни страны, ставшее частью пакета законодательных инициатив Президента Медведева в начале 2012 г. «Предложенные меры, – уверял глава государства, – делают политическую систему России более эффективной, лучше представляющей интересы граждан» [1]. Подобных заявлений, связывающих реанимированные выборы глав регионов с приближением к стандартам народовластия, тогда было очень много. Но чем громче они звучали, тем обоснованнее звучал вопрос о разумности и оправданности отмены губернаторских выборов в 2004 г. Как квалифицировать то, что некогда выборный, а, значит, априори демократический порядок замещения губернаторских должностей, был заменен неким суррогатом, процедурой, названной «наделением гражданина Российской Федерации полномочиями высшего должностного лица субъекта РФ» [2].

Практика «наделения полномочиями», до сих пор воспринимаемая многими как назначение руководителей субъектов Федерации, получила свою порцию критики. Она, по мнению недовольных, «лишила регионы конкурентной среды», «заставила воспринимать субъекты Федерации вроде отделов кремлевской администрации, куда достаточно назначить надежного, лично знакомого человека», «породила противостояние назначенного губернатора и местной элиты, находящейся в скрытой ему оппозиции» [3]. Автору же данной статьи видится главный недостаток института «наделения полномочиями» в другом: он отлучил российских граждан от участия в выборах, которые, между прочим, являются высшим непосредственным выражением власти народа, качественным проявлением народного суверенитета (ч. 2 и 3 ст. 3 Конституции РФ). К примеру, в Свердловской области выборы губернатора не проводились уже в течение десяти лет и, возможно, что их не будет вплоть до 2017 г.

В утверждении об отступлении от требований российской Конституции нет ничего максималистско-

го, ведь выборы, по сути, единственный способ (форма) осуществления прямого народного волеизъявления, и ограничивать его даже под благовидным предлогом было верхом несправедливости. Но, что случилось, то случилось.

Казалось бы, в настоящее время статус-кво восстановлен, выборы глав регионов, начиная с октября 2012 г., последовательно проводятся то в одном, то в другом субъекте Федерации. Вместе с тем они породили новые спорные конструкции в современном избирательном праве России. Одна из таких конструкций, названная «муниципальным фильтром», вокруг которой было сломано много копий, представляет собой новый (прежде незнакомый российскому избирательному законодательству) способ поддержки кандидата на должность регионального руководителя.

О чем идет речь? Претендента должны поддерживать от 5 до 10% депутатов местных представительных органов и (или) избранных на муниципальных выборах глав местного самоуправления. В числе лиц, поддержавших кандидата, должно быть от 5 до 10% депутатов представительных органов и (или) избранных на выборах глав местного самоуправления – представителей исключительно муниципальных районов и городских округов. При этом кандидат должен быть поддержан не менее чем в трех четвертях муниципальных образований именно этих типов.

Эти процентные показатели являются частью федерального законодательства о выборах, которое предложило субъектам Федерации определиться с точным количеством поддерживающих претендента сторонников. Такова особенность принятой законодательной модели: общие подходы устанавливает Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», детали находят отражение в региональном законодательстве о выборах. Субъекты РФ, первыми проводившие после перерыва выборы губернаторов (Амурская, Белгородская, Брянская, Новгородская и Рязанская области), установили собственный фильтр муниципальной поддержки. В Брянской области, к примеру, он насчитывает 7%, в Амурской – 7,5%, а в Рязанской и Новгородской областях равен максимальным 10 процентам. В регионах Уральского федерального округа минимально необходимый уровень поддержки установлен в Тюменской области – 5%, максимальный – в Ямало-Ненецком автономном округе. В «особенной» во всем Свердловской области он равен 7,9%.

Первыми о конструктивной сложности и спорности «муниципального фильтра» заговорили оппозиционеры. Он, говорили они, чреват опасностью удаления с электорального поля кандидатов от оппозиции, которые просто не смогут набрать необходимого количества подписей депутатов и глав муниципальных образований. В особенности последних, ведь муниципальные руководители в первую очередь сориентированы на установки региональных властей. Высказываемые опасения не казались напрасными, ведь «муниципальный фильтр» легализовал фактические преимущества правящей политической партии «Единая Россия», которая имеет в среднем по стране более 65% депутатов и глав местного самоуправления. Депутат Государственной Думы, секретарь ЦК КПРФ В. Соловьев признал, что на первых выборах губернаторов в октябре 2012 г. коммунистам «приходилось вести серьезные переговоры с представителями партии власти, чтобы они разрешили своим депутатам поставить свои подписи за наших кандидатов» [6]. Что интересно региональные власти охотно шли навстречу оппозиции, поскольку прекрасно понимали, что выборы не могут быть безальтернативными и лишенными состязательности, а потому начали страховать своих кандидатов поддержкой оппозиции. А всего-то следовало не задирать до максимума процентный уровень муниципальной помощи.

Эта главная мысль, содержащаяся в Постановлении Конституционного Суда РФ от 24 декабря 2012г.: конкретизация процентной «вилки» в избирательном законодательстве субъектов РФ должна исходить из «конкретных условий развития партийно-политических отношений» в том или ином регионе, исключать возможность «создания искусственных препятствий выдвижению других кандидатов» [7]. «Муниципальный фильтр» необходимо соотносить с уровнем зрелости партийно-политических отношений, - комментировал вывод Суда судья-докладчик Н.С. Бондарь, - а не устанавливать везде, под одну гребенку, предельное требование 10% от числа выборных лиц местного самоуправления» [8].

Таким образом, Конституционный Суд защитил «муниципальный фильтр» в принципе. Его внедрение в избирательную материю вовсе не противоречит Конституции РФ, более того, по мнению автора, «муниципальный фильтр» есть не что иное, как новая форма поддержки кандидата наряду с давно существующим в нашем избирательном законодательстве сбором подписей избирателей. Потому ничего предосудительного в нем нет, что и подтвердил Конституционный Суд. А в имеющих место перегибах повинны субъекты Федерации, не умеющие найти правильный баланс между неоправданно высоким процентом требуемой муниципальной поддержки и расстановкой политических сил в регионе.

Заметим, правда, что неудовлетворенные таким выводом люди все равно остались. Они никак не могут согласиться с решением Суда, хотя бы потому, что органы местного самоуправления не входят в систему государственной власти, а, значит, на них нельзя было возлагать государственные полномочия в виде обязательного сбора подписей муниципальных глав и депутатов. Сейчас, когда прошла новая волна губернаторских выборов, оппозиция высказывает новые претензии, она, например, называет результаты победы глав регионов – представителей «Единой России» - «не выборами, а согласованием назначенных кандидатур с населением». Имеется в виду высокий уровень поддержки избирателей (как правило, более 80% голосов) [9].

За кадром осталась еще одна проблема губернаторских выборов. Конституционный Суд ее вообще не рассматривал, а, между тем, вопрос, по нашему мнению, не исчерпан. Дело в том, что федеральный законодатель предусмотрел возможность самовыдвижения претендентов на должность руководителя субъекта Федерации, но с оговоркой, что перспективу его применения определяют все-таки законы субъектов РФ. На деле большинство российских регионов просто отвергло самовыдвижение. К примеру, в первых пяти регионах, где проводились выборы губернаторов в октябре 2012 г., ни в одном самовыдвижение не предусматривалось. В субъектах Федерации в составе Уральского федерального округа самовыдвижение кандидатов принято только в Тюменской области.

Получается, что федеральный законодатель санкционировал право субъектов РФ учреждать институт самовыдвижения, а воспользуются ли они этим правом не его забота. Целесообразность и полезность самовыдвижения кандидатов следует доказывать в самих регионах. Это в корне неверный подход, поскольку Федеральный закон об основных гарантиях избирательных прав уже предусмотрел самовыдвижение в качестве обязательного способа появления кандидатов как таковых. А потому, учитывая базовый статус данного законодательного акта, принимая во внимание императивность самовыдвижения как одного из трех возможных вариантов заявить о себе в качестве кандидата, судьба этого института никак не должна зависеть от усмотрения субъектов Федерации. Она уже решена и решена в его пользу.

Весьма спорным положением российского избирательного законодательства является норма об участии или, напротив, неучастии в выборах лиц, имевших в прошлом судимость. Разумеется, речь идет о реализации права быть избранным. В настоящее время вопрос этот стал отдельной историей, основные вехи которой связаны с корректировкой самого предмета правового регулирования.

Первоначально законодательство впустило в сферу избирательных правоотношений всех желающих без какой-либо необходимой оглядки или оправданной осторожности на этот счет. А они, конечно, уместны в данном случае, поскольку избрание открывает прямой путь в органы публичной власти, требования к которой при любой системе власти и в любых политических условиях должны быть повышенными. Так вот изначально кандидатами могли быть граждане, имевшие судимость, сведения о которой (номер и наименование статьи УК РФ) они вправе и не указывать, если та оказалась снятой или погашенной. В противном случае о факте судимости следовало сообщить в отдельных избирательных документах (например, в подписном листе, официальной информации о кандидате, размещаемой на избирательных участках, в избирательном бюллетене).

Такая степень либерализации избирательного законодательства вызвала серьезные нарекания, поскольку не то, что не предотвращала от проникновения во власть лиц с криминальным прошлым, но, напротив, как будто даже поощряла их. В стране было зафиксировано несколько громких, получивших общественный резонанс случаев, связанных с избранием на высокие выборные должности людей, которых нельзя было допускать к власти, что называется, на пушечный выстрел. Федеральные органы, фактически и юридически допустившие это, не знали, как поступить: то ли запретить всем когда-либо осужденным избираться, что, наверное, стало бы чрезмерным ограничением конституционного права, то ли найти приемлемое решение в виде избирательных ограничений для отдельных категорий граждан, осужденных, скажем, за преступления против личности.

В итоге Федеральный закон от 5 декабря 2006 г. № 225-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» [10] установил следующее. Он зафиксировал, что осужденные к лишению свободы за совершение тяжких (наказание за которые превышает 5 лет лишения свободы) и (или) особо тяжких преступлений (наказание за которые превышает 10 лет лишения свободы), не имеют права быть избранными вообще, если на день голосования судимость за данные преступления не снята и не погашена. В эту же группу отнесли тех, кто был осужден за преступления экстремистской направленности, и на тех же условиях – если судимость не снята и не погашена.

В мае 2012 г. с принятием Федерального закона № 40-ФЗ [11] соответствующая конструкция претерпела очередное изменение. Пассивного избирательного права отныне лишались граждане, осужденные ког-

да-либо вообще к лишению свободы за совершение тяжких (особо тяжких) преступлений, за исключением случаев, когда в соответствии с новым уголовным законом эти деяния перестают считаться таковыми. На этот раз возобладал самый жесткий (фактически пожизненный) вариант ограничения права быть избранным в органы государственной и муниципальной власти. Однако просуществовал он совсем недолго, поскольку уже на выборах в сентябре 2012 г. конституционность новых дискриминационных мер была поставлена под большое сомнение.

Рассматривавший данный вопрос Конституционный Суд РФ принципиально решил, что совершение когда-либо в прошлом тяжкого или особо тяжкого преступления является обстоятельством, влияющим на оценку избирателями репутации претендента на выборную должность. Исходя из этого, ограничение пассивного избирательного права, по мнению Суда, есть мера, необходимая и целесообразная, направленная на предотвращение подрыва социальной поддержки и легитимности органов публичной власти, преследующая конституционно значимые цели повышения конституционной ответственности и действенности принципов правового демократического государства, предупреждения криминализации власти.

Казалось бы, данными выводами все и ограничится. Но нет, Суд пустился в витиеватые рассуждения относительно того, что вводимые законом ограничения никак не могут быть несоразмерными, т.е. не препятствующими свободному волеизъявлению народа и отдельных категорий граждан его образующих (в т.ч. осужденных). Соответствующую правовую позицию Конституционный Суд обильно снабдил ссылками на мнение Европейского Суда по правам человека о соразмерности ограничения пассивного избирательного права, которая достигается его дифференциацией в зависимости от характера и категории преступления. Автоматическое же и недифференцированное лишение избирательных прав группы лиц независимо от срока наказания, характера или тяжести совершенного преступления, заключил Суд, несовместимо с международно-правовыми документами, постановлениями ЕСПЧ, вынесенными им по конкретным делам.

Вот почему, Конституционный Суд признал «бессрочное и недифференцированное ограничение пассивного избирательного права в отношении граждан, осужденных к лишению свободы за тяжкие и особо тяжкие преступления», в сформулированном законом виде, не соответствующим Конституции РФ [12].

Данное обстоятельство повлекло за собой очередное изменение нормативной конструкции. Теперь, осужденные за совершение тяжких преступлений, судимость которых снята или погашена, не допускаются к участию в выборах только до истечения десяти лет со

дня снятия или погашения судимости. Соответственно, осужденные за особо тяжкие преступления (судимость которых снята или погашена), лишены пассивного избирательного права до истечения пятнадцати лет со дня снятия или погашения судимости.

Специально введены дополнительные нормы, уточняющие потенциальные избирательные возможности осужденных. К примеру, если срок действия ограничений пассивного избирательного права истекает в период избирательной кампании до дня голосования на выборах, гражданин, пассивное право которого в связи с судимостью было ограничено, может быть выдвинут кандидатом на этих выборах. Если деяние в связи с принятием нового уголовного закона перестает быть тяжким или особо тяжким, действие ограничений избирательного права прекращается со дня вступления в силу этого уголовного закона.

По-прежнему, не имеют права быть избранными граждане, осужденные к лишению свободы за тяжкие (особо тяжкие) преступления, преступления экстремистской направленности, если на день голосования у них неснятая и непогашенная судимость.

Удивительна поспешность, с которой Конституционный Суд рассмотрел данное дело, объединив жалобы шестерых бывших осужденных граждан в одно производство. В перечне преступлений, которые они в свое время совершили: кража, грабеж, вымогательство и даже покушение на убийство. При всем при этом им очень хотелось стать депутатами или главами муниципальных образований! Без этого порыва, без этого демонстративного стремления к публичности они, по всей видимости, обойтись не могли или же считали свою жизнь недостаточно яркой.

Сторону таких людей принял высший орган конституционного надзора. По его мнению, ограничения пассивного избирательного права *не позволяют проследить между совершенным преступлением и дальнейшим запретом на занятие любой выборной публичной должности иную связь, кроме предположения о том, что лицо, когда-либо осужденное к лишению свободы, недостойно осуществлять публичные властные и управленческие функции*. А разве это не так!? И разве этого мало!?

Но Конституционный Суд идет еще дальше: «нелимитированное по времени ограничение федеральным законом пассивного избирательного права не может быть оправдано одним фактом судимости», «такое ограничение не может быть необратимым, оно всего лишь временная мера», диктуется «гуманизацией уголовных наказаний и предоставлением осужденным за преступления возможности исправления». Примеры других категорий граждан, для которых установлен пожизненный запрет на занятие должностей в разных сферах государственной деятельности в связи с име-

ющейся или имевшейся судимостью (государственные гражданские и муниципальные служащие, судьи, прокурорские работники, сотрудники полиции и следственного комитета, лица, осуществляющие трудовую деятельность в сфере образования, воспитания несовершеннолетних), Конституционный Суд не смущают. «Бессрочное же лишение гражданина права быть избранным представляет такое ограничение данного права, - переходит на пафос Конституционный Суд, - которое затрагивает само его существо, делает невозможным осуществление права как такового ни в какой форме на протяжении всей жизни гражданина и после отбытия наказания».

Впрочем, цитировать выводы Конституционного Суда можно до бесконечности, пусть читатели сами решат, что правильнее. Автору же представляются суждения Суда спорными, кажется, что комментируемое Постановление написано больше в угоду Европейскому Суду по правам человека.

В перечне нормативных конструкций, продолжающих вызывать споры, остается досрочное голосование избирателей. Оно, то вводилось в самом широком объеме, то урезалось; в настоящее время вновь расширено до максимума. Дело в том, что Федеральный закон от 5 мая 2014 г. [13] вернул возможность досрочного голосования всем избирателям, которые в день голосования по уважительной причине будут отсутствовать по месту своего жительства и не смогут прибыть в помещение для голосования, на котором они включены в избирательные списки. Законодатель не поленился назвать причины участия в досрочном голосовании: отпуск, командировка, режим трудовой и учебной деятельности, выполнение государственных и общественных обязанностей, состояние здоровья, иные уважительные основания. Словом, в досрочном голосовании потенциально может принять участие любой избиратель, оказавшийся в ситуации, когда голосовать надо, но нет возможности сделать это непосредственно в день выборов.

Досрочное голосование распространяется также на избирателей, находящихся в труднодоступных или удаленных местностях, на судах, находящихся в день голосования в плавании, на полярных станциях и тому подобных экстремальных местах.

Изначально досрочное голосование адресовалось самому широкому контингенту избирателей, что находило отражение в российском избирательном законодательстве. Но к этому институту выборов часто и, к сожалению, обоснованно предъявлялись претензии относительно злоупотребления им недобросовестными кандидатами, организующими досрочное голосование в свою пользу. Подобного рода нарушения стали непрямыми спутниками многих избирательных кампаний. Федеральный законодатель в целях предот-

вращения злоупотреблениями старался ужесточить требования к процедуре и участникам досрочного голосования, не отменяя ее в принципе. Например, если число проголосовавших досрочно превышает один процент от общего числа избирателей на участке, на оборотной стороне «досрочных» бюллетеней ставится печать участковой комиссии. Информация о досрочно проголосовавших избирателях передается участковыми комиссиями в вышестоящий избирком для осуществления контроля за этим процессом. Бюллетени досрочно проголосовавших хранятся в специальных непрозрачных конвертах, словом, целая система мер, направленных на воспрепятствование нарушениям закона о выборах.

И, тем не менее, претензии к досрочному голосованию не прекращались. В итоге в 2010 г. его сохранили только для отдельных групп избирателей, скажем, находящихся на полярных станциях, в иных труднодоступных и удаленных местностях или за пределами территории России. Досрочное голосование с этого времени стало уделом ограниченного круга лиц. Однако уже в апреле 2014 г. Конституционный Суд РФ посчитал, что законодательные ограничения лишили значительную часть граждан возможности реализовать свое активное избирательное право. Инициаторы обращения в Конституционный Суд из Законодательного Собрания Владимирской области особо настаивали на том, что единый день голосования (второе воскресенье сентября) приходится на период отпусков, а это резко увеличивает число избирателей, которые не смогут проголосовать на участках.

Откровенно говоря, у Конституционного Суда, как представляется, не было иного выхода, как вернуть досрочное голосование в его прежнем (широком) виде [14]. «Действующая редакция оспариваемой нормы, - посчитал Суд, - ограничивает активное избирательное право тех, кто по уважительным причинам не могут в день голосования прибыть на избирательный участок. Это ограничение в системе действующего правового регулирования не компенсируется иными установленными избирательным законодательством гарантиями».

Итак, досрочное голосование возвращено, а с ним вернулись и споры относительно целесообразности его существования. Проводившиеся в сентябре 2014 г. выборы в органы государственной власти субъектов РФ и органы местного самоуправления только подтвердили это.

Спорной остается конструкция обжалования избирателями итогов голосования в судебном порядке (п. 10 ст. 75 Федерального закона об основных гарантиях избирательных прав), возвращение графы «против всех» на муниципальных выборах и, напротив, невозвращение ее на выборах иных уровней власти [15].

Словом, все как обычно. Споры вокруг них продиктованы либо целесообразностью правового закрепления самого института (как в случае с досрочным голосованием или обжалованием избирателями итогов голосования), либо состоянием нормативной конструкции (как в случае с реализацией права быть избранными).

Литература:

1. Послание Президента Д.А. Медведева Федеральному Собранию Российской Федерации от 22 декабря 2011 г. // Российская газета. 2011. 23 декабря.
2. Выдрин И.В. Выборы глав субъектов Российской Федерации в системе народовластия // Право в современном мире: Материалы Международной научно-практической конференции. Екатеринбург, 7 декабря 2012 г. В 2 ч. Часть 1. Екатеринбург: Уральский институт – филиал РАНХиГС при Президенте РФ. 2012.
3. Между выборами и вертикалью. За четыре года стало ясно, за что увольняют губернаторов, но осталось непонятно, за что их назначают // Коммерсант. 2012. 18 мая.
4. По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»: Постановление Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2005 г. № 13-П // СЗ РФ. 2006. № 3. Ст. 336.
5. Борисова М.М., Дудко И.Г. Конституционно-правовой статус Субъекта Российской Федерации. М., 2010.
6. И фильтр на радость. Конституционный Суд узнал, как выбрать губернатора // Российская газета. 2012. 14 ноября.
7. По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы: Постановление Конституционного Суда РФ от 24 декабря 2012 г. № 32-П // СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. 2). Ст. 8062.
8. Свобода на гарантии. Конституционный Суд вполне доволен выборами губернаторов // Российская газета. 2012. 25 декабря.
9. Выбор Президента одобрен. В УрФО избраны три губернатора // Коммерсант. 2014. 16 сентября.
10. Гражданский процессуальный кодекс Российской

Федерации: Федеральный закон от 14.11.2002 г. № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 50. Ст. 5303.

11. О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»: Федеральный закон от 2 мая 2012 г. № 40-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2012. № 19. Ст. 2274.
12. По делу о проверке конституционности подпункта «а» пункта 3.2 статьи 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», части первой статьи 10 и части шестой статьи 86 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г.Б. Егорова, А.Л. Казакова, И.Ю. Кравцова, А.В. Куприянова, А.С. Латыпова и В.Ю. Синькова: Постановление Конституционного Суда РФ от 10 октября 2013 г. № 20-П // Собрание законодательства РФ. 2013. № 43. Ст. 5622.
13. О внесении изменений в Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»: Федеральный закон от 5 мая 2014 г. № 95-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2014. № 19. Ст. 2300.
14. По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 65 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»: Постановление Конституционного Суда РФ от 15 апреля 2014 г. № 11-П // Собрание законодательства РФ. 2014. № 16. Ст. 1922.
15. О внесении изменений в Федеральный закон «Об обеспечении конституционных прав граждан Российской Федерации избирать и быть избранными в органы местного самоуправления» и Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»: Федеральный закон от 4 июня 2014 г. № 146-ФЗ // Российская газета. 2014. 6 июня.
- in the Modern World: Proceedings of the International scientific and practical conference. Ekaterinburg, December 7, 2012. In 2 p. Part 1: Ekaterinburg: Ural Institute – branch of RANEPa under the RF President. 2012.
3. Between the election and the vertical. Within four years, it has become clear what governors are dismissed for, but it remained unclear why they are appointed // *Commerzant*. 2012. May 18th.
4. On the case of inspecting the constitutionality of certain provisions of the Federal Law «On general principles of organization of legislative (representative) and executive bodies of state power of the subjects of the Russian Federation»: Regulation of the RF Constitutional Court of December 21, 2005 № 13-P // *RF CL*. 2006. № 3. Art. 336.
5. Borisova M.M., Dudko I.G. Constitutional-legal status of a subject of the Russian Federation. M., 2010.
6. And the filter to the delight. The Constitutional Court has learned how to elect a governor // *Rossiyskaya Gazeta*. 2012. November 14.
7. On the case on inspecting the constitutionality of certain provisions of the Federal Law «On general principles of organization of legislative (representative) and executive bodies of state power of the subjects of the Russian Federation» and the Federal Law «On basic guarantees of electoral rights and the right to participate in a referendum of citizens of the Russian Federation» in connection with the enquiry of a group of the State Duma deputies: Regulation of the RF Constitutional Court of December 24, 2012 № 32-P // *RF CL*. 2012. № 53 (p. 2). Art. 8062.
8. Guaranteed freedom. The Constitutional Court is quite satisfied with the election of governors // *Rossiyskaya Gazeta*. 2012. 25 December.
9. The President's choice approved. In the UFD three governors have been elected // *Commerzant*. 2014 September 16.
10. Civil Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law of 14.11.2002, № 138-FL // *Collected Legislation of the Russian Federation*. 2006. № 50. Art. 5303.
11. On Introducing Amendments to the Federal Law «On general principles of organization of legislative (representative) and executive bodies of state power of the subjects of the Russian Federation» and the Federal Law «On Basic Guarantees of Electoral Rights and the Right to Participate in Referendum of Citizens of the Russian Federation», Federal Law of May 2, 2012 № 40-FL // *Collected Legislation of the Russian Federation*. 2012. № 19. Art. 2274.
12. On the case on inspecting the constitutionality of sub-clause «a» of Clause 3.2 of Article 4 of the Federal Law «On Basic Guarantees of Electoral Rights and

References:

1. Address of the President D.A. Medvedev to the Federal Assembly of the Russian Federation of December 22, 2011 // *Rossiyskaya gazeta*. December 23, 2011.
2. Vydrin I.V. Elections of heads of subjects of the Russian Federation in the system of democracy // *Law*

Выдрин И.В.

- the Right to Participate in Referendum of Citizens of the Russian Federation», the first part of Article 10 and the sixth part of Article 86 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with the complaints of the citizens G.B. Egorov, A.L. Kazakov, I.Y. Kravtsov, A.V. Kupriyanov, A.S. Latypov and V.Y. Sin'kov: Regulation of the RF Constitutional Court of October 10, 2013 № 20-P // Collected Legislation of the Russian Federation. 2013. № 43. Art. 5622.
13. On Introducing Amendments to the Federal Law «On Basic Guarantees of Electoral Rights and the Right to Participate in Referendum of Citizens of the Russian Federation», Federal Law of May 5, 2014 № 95-FL // Collected Legislation of the Russian Federation. 2014. № 19. Art. 2300.
14. On the case on inspecting the constitutionality of Clause 1 of Article 65 of the Federal Law «On Basic Guarantees of Electoral Rights and the Right to Participate in Referendum of Citizens of the Russian Federation»: Resolution of the RF Constitutional Court on April 15, 2014 № 11-P // Collected Legislation of the Russian Federation. 2014. № 16. Art. 1922.
15. On Amending the Federal Law «On Ensuring the Constitutional Rights of Citizens of the Russian Federation to Elect and Be Elected to Bodies of Local Self-government» and the Federal Law «On Basic Guarantees of Electoral Rights and the Right to Participate in Referendum of Citizens of the Russian Federation», Federal Law of 4 June 2014 № 146-FL //